

*Алексей
Винокуров*

ВЕСЬ, КИТАЙ

**Загадки и тайны,
ПОДНЕБЕСНОЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2017

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)
В49

*Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом,
в целом или частично, без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке»*

Издательство благодарит автора за предоставленные фотографии.

Винокуров, Алексей.
В49 Весь Китай. Загадки и тайны Поднебесной. — Москва:
Издательство АСТ, 2017. — 416 + [32 вкл.] с.: ил. — (Траве-
логи. Дневник путешественника).

ISBN 978-5-17-104167-0

Книга известного российского китаиста, писателя и путеше-
ственника Алексея Винокурова представляет собой настоящую
энциклопедию современной китайской жизни. Особенности
национального менталитета, привычки и образ жизни китай-
цев, секреты местной кухни — все это, а также многое другое
позволит лучше узнать страну, до сих пор закрытую для пони-
мания большинства иностранцев. В то же время советы как не
попасть впросак туриstu, окажут незаменимую помощь при пу-
тешествии.

УДК 908(510)
ББК 26.89(5Кит)

ISBN 978-5-17-104167-0

© А. Винокуров, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1, которая могла быть второй или даже третьей, но пусть лучше будет первой

Вот раз нас все-таки не съели.

Хотя все явно шло к этому. Имелись, как сказали бы историки, объективные предпосылки.

Дело было в провинции Гуйчжоу, в горах. Мы направлялись к знаменитому Лунгуну или, по-русски, к Драконовым чертогам. Микроскопическая мяньбао-чэ, маршрутка, по самую крышу набитая китайцами, не очень долго, но как-то томительно везла нас от Аньшуня по горному серпантину. Под колеса с необыкновенным чувством собственного достоинства то и дело выходили дети, коровы, куры и другие местные жители. Всех их надо было объезжать или терпеливо ждать, пока они сами сойдут с дороги.

Наконец нас высадили у восточных ворот комплекса.

— Назад поеду в три часа дня, не опоздайте! — предупредил нас крохотный водитель, строго постучав по часам.

Причины такой строгости мы с женой не поняли и, признаться, значения ей не придали.

Пока мы слушали водителя, все китайцы где-то растворились. Эту способность аборигенов Гуйчжоу — растворяться и возникать словно ниоткуда — мы заметили еще в городе, но особенного значения ей не придали. Исчезают и исчезают, имеют полное право. Может быть, им так нравится — исчезать. Или родители так воспитали.

Мы купили входные билеты — каждый по шестьдесят юаней, семь с половиной долларов по тогдашнему курсу. Дорого или дешево? Дорого, конечно: на шестьдесят юаней в 2006 году в Китае можно было закатить в ресторане целый пир на двоих. Но, поверьте, оно того стоило. Драконовые Чер-

тоги имеют категорию ААААА — достопримечательность высшего класса.

Как и положено мирным путешественникам, мы спустились в долину, на лодке сплавились по каналу через рисовые поля и вышли у самого подножия горы. Забрались в пещеру Гуанынь, осмотрелись: за столами сидели лысые люди в желтых одеждах и, делая вид, что не замечают нас, читали книги.

— Начинающие будды, — пошутил я.

В шутке этой, как и полагается, имелась доля правды. Лысые люди были не кто-нибудь, а буддийские монахи-хэшаны. А как известно, цель всякого монаха, да и любого почти буддиста — освободиться из колеса перерождений и тоже стать буддой.

Внизу по долине бродил тощий буйвол, запряженный в плуг, его погонял человек, похожий на крестьянина. Настоящий это буйвол или туристический, для красоты, мы не знали. А спрашивать было как-то неудобно.

Я посмотрел на буйвала и тут же вспомнил Довлатова. А именно — тот момент, где у него поэт Наум Коржавин критикует окружающую действительность.

— Подумаешь, буйвол, — сказал я небрежно. — У нас буйволы в два раза толще.

— Где это у вас? — спросила жена. — У вас в Марьиной роще? Да, отдельные граждане там иногда быкуют, но до буйволов им пока далеко... Ты лучше полюбуйся на водопады. Говорят, прямо отсюда берут воду для местной водки.

Я внимательно осмотрел водопады и остался не удовлетворен.

— Воды маловато, — сказал я. — У нас, когда водопровод прорвет, воды в два раза больше.

— С тобой невозможно ходить в приличные места, — сказала жена. — Ты дикий. Сидение в ресторане — твой потолок...

Оставив гору по правую руку, а буйвала по левую, мы двинулись к Драконовым Чертогам. Путь туда лежал через затопленные водой подземные пещеры. В пещерах туристов сажали на лодки и везли сквозь сказочно освещенные гроты — голубоватые, зеленоватые, красные. Вода за бортом смутно чернела; казалось, что мы парим над бездонной пропастью.

Молодая китаянка зачарованно опустила руку в воду. Сопровождающая замахала руками:

- Нет-нет, не надо!
- Имеется эндемичная живность? — осведомился я.
- Имеется.
- Какого размера?
- Примерно такого. — И гид раздвинула ладони, показывая. Совать в воду руки, головы и иные предметы личного пользования сразу расхотелось.

Наконец нас высадили. Мы немного прогулялись пешком — все еще в пещере, — потом пересели на другие лодки и выплыли в кратер потухшего вулкана, часть которого занимало озеро Юцайху, а с другой стороны поднимались к небесам крутые зеленые склоны. Как и положено туристам, мы немного полазали по ним, благо повсюду были уложены каменные лестницы.

На одну такую лестницу прямо из горы вышел бородатый гном (метр тридцать ростом, не больше). Горный житель оглядел нас весьма хмуро и пробурчал:

— Зря вы сюда приехали...

Мы с женой вздрогнули: гном говорил не на местном диалекте, а на чистейшем китайском языке.

Я вспомнил, что утром мы видели его сородичей на автовокзале города Аньшунь, откуда выезжала наша маршрутка. Компания китайских гномов стояла отдельно от общей толпы, выделяясь микроскопическими размерами даже среди не слишком высоких китайцев. Круглые глаза, носы картошкой, каштановые бороды, хмурые лица — по виду их было не отличить от среднерусских мужиков, только очень маленьких. Это явно была какая-то местная малочисленная народность, то, что китайцы называют *шаошу миньцзу*. Я сразу догадался, в чем тут дело.

— Похоже, лет триста назад какие-нибудь русские староверы заблудились на китайских просторах, смешались с местными, измельчали и добрались до Гуйчжоу, — сообщил я жене.

— Уймись, патриот, — сказала жена. — Всюду ему русские мерещатся... Нормальные китайские миньцзу, только маленького роста.

Тут надо заметить, что обычно у таких миньцзу свои языки и диалекты, совсем не похожие на нормативный китайский язык путунхуа. Наш же гном говорил как раз на путунхуа, причем очень четко, и явно хотел, чтобы мы его поняли.

— Зря, — повторил он зловеще, — зря вы сегодня приехали.

И как сквозь землю провалился.

Мы, конечно, понимали, что никакой это не гном и никуда он не провалился, а просто ушел в расщелину, но настроение все равно испортилось.

— Идем назад, — сказала жена.

И мы пошли вниз, к озеру, надеясь поскорее сесть в лодки и поплыть обратно.

Однако внизу нас перехватил местный экскурсовод по пещерам — маленькая страшная старушка.

— Тебе не кажется, что она похожа на ведьму? — спросила жена.

Я не согласился.

— На ведьму она *не похожа*. Она ведьма и есть.

Но та не обиделась — видимо, не поняла наш русский язык.

— За мной, за мной, — закричала старушка, назначенная на почетную должность ведьмы. — Смотреть Лунгун!

И повлекла нас внутрь горы, где, как мы знали из путеводителя, километрами петляли мрачные Драконовые Чертоги, пронизывая собой ни много ни мало целых двадцать гор. Мы, словно зачарованные, безропотно шли за ней — в пугающие и темные подземные переходы.

Неизвестно, куда бы завела нас горная ведьма и чем бы закончилось все дело, но, видимо, наши ангелы-хранители не спали и послали нам на помощь группу китайских туристов из Харбина, возглавляемую решительной молодой женщиной.

— Стойте! — закричала решительная, увидев нас. — Куда вы их ведете?

— Смотреть Лунгун, — недовольно отвечала ведьма.

— Какой еще Лунгун? — возмутилась наша спасительница. — Уже вечер, рабочий день закончился.

— Не твое собачье дело! — огрызнулась старуха. — Тебе не надо — проваливай, куда шла. А они пойдут со мной.

Но противница ей попалась несговорчивая.

— Никуда они не пойдут. Они иностранцы, они одни... — и думая, что мы не понимаем по-китайски, обратилась к нам на ломаном английском. — Не ходите с ней, не надо!

Ведьма затряслась от злости, затопала ногами, заверещала... Но тут уже и мы поняли, что пора делать ноги, и бросились прочь, следом за спасшими нас китайцами.

Оказавшись снова на берегу озера, мы поняли, что Лунгун прекратил работу, лодки уплыли, а сами мы отрезаны от большого мира.

— Ночевать я здесь не буду, — сказала жена, с легкой неприязнью оглядывая начинающие темнеть горы.

Я хотел в очередной раз пошутить, но язык почему-то прилип к гортани.

Ситуация, в самом деле, была неприятная. Скоро настанет ночь, мы одни на территории природного заповедника, вокруг наверняка дикие звери, а спрятаться негде.

Но тут нас снова спасли наши знакомые китайцы. Оказывается, гид, который привез их в Лунгун, остался снаружи, на автостоянке. Сейчас они ему позвонят, и за нами пришлют лодку.

К несчастью, сигнал телефона не смог пробить каменную толщу Драконовых Чертогов. Вокруг быстро темнело. Мы слегка приуныли. Но тут кусты неподалеку зашевелились. Мы попятались.

— Там, наверное, макака, — не слишком уверенно сказала жена.

«Может, макака, может, чего и покрупнее», — подумал я. Но вслух решил ничего не говорить.

Кусты между тем продолжали угрожающе шевелиться.

Нервы у одного из наших китайцев не выдержали. Он с криком бросился в кусты и вытащил оттуда гнома, который по обычаю всех гномов подглядывал за нами из недр горы. Гном слабо сопротивлялся и неубедительно бранился на местном наречии.

Дальше все пошло как по маслу. Китайцы заставили гнома связаться с начальством, и спустя пятнадцать минут за нами явилась спасительная лодка...

Высадившись на берег, мы с женой решительно направились по узкой улице к автостоянке, надеясь успеть на какой-нибудь автобус. Тьма, как это бывает в горной местности, стущалась буквально на глазах. Жители местной деревни высыпали на улицу и глядели на нас мрачно и даже как-то плотоядно.

— Смотри, — жена подтолкнула меня, — облизываются.

— Ну и что? — сказал я.

— Это не просто так. Это они на нас облизываются.

— Да ладно тебе!

— А ты вспомни краеведческий музей...
И я вспомнил. Краеведческий музей в столице провинции Гуйчжоу городе Гуйяне встал передо мной как наяву.

* * *

Сразу скажу, что это жена придумала пойти в краеведческий музей, я тут ни при чем. Она всегда находит неожиданные места. В таких местах о Китае за один раз узнаешь больше, чем за целую неделю ходьбы по знаменитым достопримечательностям.

На первых порах, как говорится, ничего не предвещало. Все в музее было как положено. Сначала шли неолитические камни с выбитыми на них рисунками. Признаюсь, камни мне не понравились. Слишком они были какие-то новые и гладкие, будто только вчера обработанные.

— Типичный новодел, — сказал я жене. — Фестиваль народностей. Синантропы приветствуют очередной съезд компартии Китая, все в таком духе...

Дальше шли первобытные орудия труда и всякие там каменные топоры и копья — тоже будто только что вырубленные из булыжника.

— Ну, понятно, — сказал я. — Настоящих археологов здесь днем с огнем не сыщешь, всю древность сфальсифицировали на местной каменоломне.

Но тут я умолк. Потому что следом за камнями и топорами мы увидели сувениры, холодильники, утюги, пылесосы, а также бутылки с соевым соусом и чай.

Сначала я решил, что мы незаметно для себя с территории музея перешли к торговой ярмарке. Повернул назад — но нет, все было точно, мы по-прежнему стояли в музее.

— Какая связь? — возмутился я. — Где наскальные рисунки, а где холодильники? При чем тут пылесосы?

Жена только головой покачала на мою недогадливость.

— Ты что, не понял? — сказала она. — Это история края в его материальном воплощении. Сначала наскальные рисунки и каменные топоры, потом сразу холодильники и пылесосы. Ну и чай, конечно, куда же без него.

— А между ними? Должны же быть какие-то бронзовые ножи, кремневые ружья, ткацкие станки, еще что-то...

— Ничего этого не было. Между каменными топорами и пылесосами сюда пришла НОАК — Народно-освободительная армия Китая. И местные племена из каменного века, минуя все исторические уклады, попали прямо в социализм. Поэтому весь этот неолит такой новый, будто вчера сделанный. Но это не фальшивка, неолит здесь был совсем недавно.

— То есть бабушка его, — кивнул на смотрителя музея, — еще в пещерах жила, а он уже пользуется банковской карточкой?

— Скорее всего, — сказала жена. — Не могу дать гарантии, что он пользуется банковской карточкой, но вот бабушка его на-верняка еще с каменным топором охотилась на горных кур.

* * *

Тут надо ненадолго отвлечься и кое-что уточнить

Многие иностранцы считают, что китайцы — это единая нация. О том, что нация эта делится на разные народности, обычно как-то не думают. И действительно, чего там делить, китаец — он и есть китаец, правда ведь?

Фактически же в Китае есть титульная национальность хань, то есть собственно китайцы, и есть так называемые шаошу миньцзу — нацменьшинства, о которых мы уже говорили. Это примерно как у нас в России есть русский народ как таковой и все остальные, под хорошее настроение именуемые россиянами.

Поэтому в Китае для китайцев есть два основных понятия: «ханьцзу» и «чжунгожэн». Ханьцзу — это этническое определение. Здесь «хань» значит собственно китайский, а «цзу» — народность. В русском языке для ханьцзу имеется отдельное слово — ханец, или даже ханьцы, если их много (а их обычно немало).

Понятие же чжунгожэн проще всего перевести как «граждан Китая», точнее, Китайской Народной Республики, потому что есть ведь еще один Китай — тайваньский. Там тоже живут ханьцзу, но они себя чжунгожэнами не считают, чем очень огорчают руководство КНР. Как известно, КНР давно претендует на воссоединение с Тайванем, вот только тайваньцы не очень торопятся...

Так вот в число граждан-чжунгожэней входят как ханьцзу, так и шаошу миньцзу — буквально «малочисленные народности». Малочисленные, конечно, по китайским меркам.

Например, малочисленная народность *hui* (по-русски ее уважительно зовут «хуэй») насчитывает больше десяти миллионов человек, народность и — девять, чжуаны — семнадцать, мяо — тоже около десяти. Иными словами, каждое такое «малочисленное» племя могло бы легко заселить какую-нибудь европейскую страну. Всего же в настоящее время насчитывается пятьдесят шесть китайских народностей, включая сюда и титульную хань.

Кому-то, возможно, это число покажется совсем скромным: ну, что такое пятьдесят шесть миньцзу на такое огромное государство? У нас в одном Дагестане тридцать три народности. Однако надо помнить, что эта цифра — условная. До образования КНР в 1949 году миньцзу было около пятисот, потом их слегка округлили в меньшую сторону — для простоты.

Несмотря на древность Китая, среди этих народностей встречались и довольно дикие. Особенно те, которые жили в труднодоступных местах. Кое-где в КНР до сих пор еще существуют тро-глодиты — то есть люди, живущие в пещерах. И хотя центральное китайское правительство по мере возможности цивилизует дикие племена, процесс этот не такой простой и быстрый, как бы хотелось.

Мы видели, например, как в том же самом Гуйяне, столице провинции Гуйчжоу, возле банков стоят ребята из военной полиции с автоматами в руках. Почему с автоматами? На всякий случай. Кто их знает, этих миньцзу, что им в голову взбредет?

Вслух, конечно, об этом не говорят, наоборот, официальная китайская пропаганда утверждает, что все народности равны. Однако на практике, как водится, народность хань, то есть сами китайцы, несколько равнее остальных.

Учитывая, что некоторые народности очень быстро шагнули из архаики в цивилизацию, у них сохранились кое-какие пережитки прошлого. Какие именно пережитки сохранились здесь, в Драконовых Чертогах? — вот какой вопрос нас волновал сейчас больше всего. А еще нас немного беспокоило, почему местные жители облизываются, глядя на нас?

— Меня так просто не съешь, подавиться можно, — сказал я решительно.

— Китайцы, — сказала жена убежденно, — могут съесть все что угодно.

Всякий, кто хоть немного знаком с Китаем, знает, что это чистая правда.

В одной китайской энциклопедии мы прочли, что в долине Хуанхэ несколько тысячелетий тому назад в изобилии водились слоны. На беду, китайцы нашли их необкновенно вкусными — в особенности хобот — и быстро съели. Такая же печальная судьба постигла шерстистых носорогов, страусов и большерогих оленей. (Да, именно так, всю древнюю фауну китайцы съели, а сказки о ледниковом периоде, во время которого погибли все китайские слоны — и голые, и мохнатые, — пусть останутся на совести европейских ученых.)

Конечно, мы знали, что дикие пережитки вроде поедания заблудившихся иностранцев сурово осуждаются в КНР и преследуются по закону. И если быть серьезным, мы, конечно, не верили, что нас съедят. Ну, или почти не верили. Скорее всего, думали мы, местные жители просто вышли поглазеть на иностранцев, которых видят тут не так часто.

Так или иначе, в тот раз мы все-таки остались живы. И больше того — сели в автобус к нашим новым китайским знакомым и благополучно доехали до города Гуйян.

* * *

Как все, конечно, знают, столица провинции Гуйчжоу город Гуйян переводится как «драгоценное солнце».

На самом деле этого самого солнца город почти не видит, больше трехсот дней в году здесь идет дождь. Вероятно, поэтому солнце кажется местным жителям таким драгоценным, а жители Гуйяна такие неулыбчивые и вдобавок смотрят волками. А когда все-таки улыбаются, то улыбка эта выходит скорее насмешливой. Так что имейте в виду: если гуйянцы не ждут от вас какой-то выгоды, разговора на общепонятном китайском языке с ними не выйдет. Говорить будут только на местных диалектах.

Да и в целом жители Гуйчжоу к туристам не очень расположены, об этом даже в китайских путеводителях пишут. Недолюбливают они не только иностранцев, но и ханьцев, и вообще любых чужаков. Это, конечно, отличительная черта архаических племен, которые, как правило, от пришельцев ничего хорошего не ждут. Однако будем справедливы — чужаки редко приносили им что-то хорошее, не считая холодильников с пылесосами.

Но даже если и так — холодильники и пылесосы чужакам следовало оставить, а самим, безусловно, испариться.

* * *

Второй крупнейшей достопримечательностью в Гуйчжоу является водопад Хуангошу. Он также находится недалеко от города Аньшунь.

И хотя мы приехали не в сезон, и воды было сравнительно мало, но водопад произвел на нас неизгладимое впечатление. Необыкновенно широкий, он рокотал, ревел и с подлинно китайским усердием низвергался вниз с огромной высоты. Уже за несколько сотен метров до водопада воздух был словно пронизан водой, казалось, еще немного — и мы поплыли. Я порадовался, что надел очки, а не линзы — при такой влажности линзы бы просто выплыли у меня из глаз.

Водопад Хуангошу так устроен природой, что при желании можно оказаться *за ним* — прямо за обрушающимися в бездну потоками. В горе, с которой падает вода, есть пещеры. В эти пещеры можно зайти и очутиться таким образом в самом сердце стихии. Долго тут, конечно, не простишь, слишком оглушительный здесь шум и слишком большая влажность — но ощущения непередаваемые...

Осмотрев водопад со всех ракурсов, мы решили возвращаться домой. И только сев в автобус, поняли, какую совершили ошибку — мы не взяли с собой ни сменной обуви, ни одежды. А сами, между тем, промокли у водопада как мышь.

Спустя несколько лет после нашей поездки на Хуангошу из Китая по новостным каналам пришло известие, что местные жители захватили в плен туристов и не выпускают их даже победать. Аборигены были недовольны, что огромные деньги, получаемые государством от туризма, идут мимо них, и требовали восстановить справедливость.

Надо сказать, что подобные истории происходят в Китае довольно редко. И волноваться туристам в таких случаях не надо — с ними не сделают ничего плохого. Захват туристов — всего-навсего способ, которым простые люди пытаются довести до сведения руководства некоторые важные для них вещи — в частности, нехватку денег.

* * *

В Гуйяне нас поразило невероятное количество больниц и аптек. Если вы идете по улице и видите шикарное здание — это не гостиница, не супермаркет и не ресторан. Скорее всего, это аптека. Во всяком случае, так было в двухтысячных.

Еще тут очень много зубоврачебных кабинетов, салонов мобильной связи, парикмахерских, кондитерских и лавочек, продающих ритуальные принадлежности. Причем все эти заведения следуют одно за другим, достаточно просто пройти по улице. И эта грустная последовательность все время повторяется. Кажется, будто жители Гуйяна рождаются на свет только затем, чтобы постричься, побриться, съесть тортик, позвонить по телефону, вырвать зубы и умереть.

Увы, зубы у гуйянцев очень плохие. Положа руку на сердце это даже трудно назвать зубами. И причина таких зубов лежит на поверхности: здесь повсюду продаются пирожные и торты. Причем не такие пирожные, как, например, в Пекине, где сахара кладут очень мало. В гуйянских пирожных столько сахара, что волосы встают дыбом. Гуйянцы едят эти пирожные, портят себе зубы, лечат их, вырывают — и рано или поздно просто вынуждены бывают умереть.

* * *

Традиционное украшение гуйянских женщин — огромные буйволиные рога, которые они надевают на разные праздники и торжества. При этом сами гуйянки очень миловидны, так что непосвященному иностранцу становится даже как-то обидно за них — к чему тут рога?

Но даже рога не портят впечатление от местных женщин. Впечатление это портят местные мужчины — несмотря на свой небольшой рост, страшно свирепые.

Когда мы поймали такси, чтобы ехать в аэропорт, маленький водитель, почти достававший мне головой до груди, объявил цену заранее — пятьдесят юаней. Я сказал, что тут не больше тридцати.

Таксист мгновенно разъярился и начал истошно кричать на всю улицу.

— Усы! — надсаживался он, приседая от натути. — У-у-сы-ы-ы!!! (То есть *уши*, пятьдесят).

Его боевой дух так взыграл, он так орал и ярился, что, доставай он мне хотя бы до плеча, я бы, пожалуй, заробел. Я не боялся, что он ударит меня головой в живот, — боялся, что укусит за какое-нибудь неподходящее место...

* * *

Вообще же суровость свою местные жители иной раз проявляют весьма экзотическими способами.

Как-то мы зашли в небольшой ресторан, сделали заказ и даже приступили к еде. Но тут в зале появился молодой человек с мячом в руках, как-то нехорошо оглядел нас и стал играть сам с собой в баскетбол. Он носился по ресторану, швырял мяч в пол, потолок и стены, совершенно не опасаясь, что мяч отскочит в кого-нибудь из посетителей.

Мы знали, конечно, что в Китае баскетбольный бум, но это было уже чересчур. Я подозревал официанта.

— Что это значит? — спросил я его.
— Что значит, что значит, — пробурчал он. — Ничего не значит!

И ушел.

Я бы, конечно, хотел свести эту историю к древним местным обычаям, согласно которым здесь еще пять тысяч лет назад играли в баскетбол в ресторане. Но думаю, не в древних обычаях дело. Скорее всего, это была очередная демонстрация независимости и неприязненного отношения к чужакам. Чужаки — то есть ханьцы, русские, англичане или любые другие негры преклонных годов — пускай ходят в туристические рестораны и не мозолят глаза честным людям.

* * *

Конечно, Гуйян был далеко не первым городом в Китае, который мы посетили. Но именно здесь, в Гуйяне, мы увидели первую китайскую драку.

Как правило, современные китайцы любой драке предпочтуют крик и ругань, благо в этом им нет равных. Но быва-

ет, что градус переживаний таков, что слов недостаточно. Однако и убивать или калечить соперника не хочется (не говоря уже о том, чтобы он тебя покалечил). За это государство взывает, и взыщет очень серьезно.

В таких сложных случаях начинается «китайская драка». Выглядит она примерно так.

Один китаец резко пинает противника в пах — при этом ногу до цели не доносит. Второй в ответ так же быстро бьет супостату кулаком в нос, но его рука тоже останавливается в нескольких миллиметрах от цели. Затем первый дает второму бесконтактную оплеуху, после чего второй якобы ломает врагу ключицу. Показав таким образом друг другу свою крутизну, оба китаца расходятся, очень довольные собой.

Признаюсь, мне этот метод очень нравится в первую очередь своей гуманностью. Не мешало бы практику таких драк перенять и нам в России — сколько бы народу осталось живыми и здоровыми.

Боюсь только, что русский человек на этом не остановится. Ему ведь иной раз бывает недостаточно даже удара ломом по голове. «Неубедительно, — говорит он, лежа на земле и обливаясь кровью. — Продолжаем разговор».

Впрочем, справедливости ради скажем, что и у китайцев бывают страшные драки и поножовщины — вплоть до убийства. Но случается это все-таки сравнительно редко.

* * *

Здесь же, в провинции Гуйчжоу, мы столкнулись с другой старинной традицией — тем, что в Поднебесной называют потерей лица или, говоря проще, с китайским представлением о стыде. Проявляется оно в совершенно неожиданных формах, часто совсем не совпадающих с тем, как понимается стыд у нас.

Вот, например, приехали мы в Аньшунь, заселились в гостиницу.

— Что делает настоящий путешественник, приехав в неизвестный город? — спрашивает меня жена.

— Покупает карту, — говорю я.

— Уже.

— Тогда ищет, где поесть.